

Она бережно прижала к себе одежду и на цыпочках вышла из главной комнаты. Пройдя по крытой галерее, она остановилась перед дверью в западный флигель.

Дальше располагались кладовая и небольшая кухня — трудно было даже представить, сколько добра должно быть у особы такого ранга, как Цзюньчжу.

Комната, где жили пять служанок, была общей, но довольно просторной: с кроватью-кан, шкафами и столом. Другие горничные ютились в каморках, где места было меньше, а народу набивалось больше, что доставляло массу неудобств.

Стоило ей войти, как на неё тут же обратили внимание две другие девушки. Они сидели на кан, болтая о своём, но места всё равно оставалось предостаточно. Одна была одета в зелёное платье, другая — в розовое.

Девушку в розовом звали Юэ-эр. Ей шел семнадцатый год, и раньше она немного училась вышивке у мастериц в поместье. Обладая недюжинным талантом, она часто помогала Цзюньчжу с рукоделием. Юэ-эр рассказывала, что в голодные годы их с сестрой продали работоторговцам, так что им ещё повезло оказаться здесь, в услужении у Цзюньчжу. Её младшая сестра Син-эр, которой было всего восемь или девять лет, была освобождена от тяжёлой работы по доброте душевной хозяйки, и сейчас, должно быть, снова бегала по двору, помогая в делах.

Она выложила полученную награду и, протянув её девушке в зелёном, улыбнулась:

— Сестрица Цуйлю, это тебе.

— Не боишься, что я припрячу всё себе? — шутливо спросила Цуйлю, хотя всё же встала и приняла вещи. Она рассмеялась: — Ты у нас грамотная, не чета нам. Смотри, не забудь нас, когда выбьешься в люди.

Отец Цуйлю был управляющим в поместье, мать ведала закупками, а брат состоял слугой при Втором господине. По словам самой Цуйлю, она не хотела выходить замуж, поэтому и пошла в услужение к Цзюньчжу, надеясь со временем стать при ней старшей наставницей-мамой.

— Цзюньчжу добра к нам, слугам, так что и мы должны служить ей верой и правдой, — строго наставляла её Юэ-эр, глядя прямо в глаза.

Юэ-эр была старше всех их на три года, и сейчас, когда она нахмурилась, она стала до боли напоминать старосту класса из прошлой жизни — такая же серьёзная и требовательная.

Она невольно подумала, что Юэ-эр права. Мало того что Цзюньчжу была прекрасным человеком, так и госпожа была к ней очень щедра, а значит, она обязана стараться ещё больше.

Затем она начала рассказывать подругам о том, что увидела сегодня, особенно о двух рулонах ткани, подаренных госпожой, и о том, что Юэ-эр могла бы помочь ей сшить из них одежду.

За разговорами время пролетело незаметно, и наступил час ужина. Две кухарки на маленькой кухне старательно готовили еду — как для самой Цзюньчжу, так и для прислуги. После ужина они вернулись в свою комнату. В маленьком дворике Цзюньчжу было всего около десятка слуг, и сегодня очередь убирать посуду выпала Чу Сюэ.

Закончив с делами и вернувшись в комнату, она увидела, что все сидят на кан, окружив маленькую девочку и о чём-то оживлённо беседуя. Увидев её, девочка радостно воскликнула:

— Сестрица Чу Сюэ, ты вернулась! Теперь мы с тобой будем как сёстры.

Пять девушек улеглись на кан, и вскоре наступила глубокая ночь. Чу Сюэ лежала, глядя в потолок, и мысли её блуждали. Несмотря на то что она оказалась в древности, прошло уже немало дней, и жизнь здесь была ничуть не хуже, чем в прошлой реальности.

Она не знала, каково это — выйти замуж, но если бы представилась возможность, она бы хотела накопить денег, выйти из поместья, купить дом и землю и стать маленькой богачкой. Но её пугало отсутствие власти — вдруг её кто-нибудь обидит или силой утащит в наложницы?

На следующее утро, ещё до рассвета, Шуанчжи, Цуйлю и другие поднялись. Сначала они помогли Цзюньчжу одеться, а затем отправились вместе с ней на утреннее приветствие. Сама она поспала подольше, а затем не спеша поднялась, привела себя в порядок и отправилась на кухню завтракать.

После этого, следуя вчерашнему указанию Цзюньчжу, она направилась в главную комнату. Цзюньчжу, вероятно, только что закончила трапезу и сидела на почётном месте, а Син-эр тихонько обмахивала её веером.

Она почтительно поклонилась и, опустив голову, произнесла:

— Служанка Чу Сюэ приветствует Цзюньчжу.

Цзюньчжу махнула рукой:

— Подойди и почитай эту книгу.

— Слушаюсь. — Она поспешно встала, взяла книгу и заглянула в неё. Хотя текст был написан сложными иероглифами, она всё понимала — ведь та, чьё тело она заняла, была дочерью богатой семьи и была обучена грамоте.

Она отошла в сторону и начала читать вслух. Это был любовный роман о студенте и знатной девице — обычное чтиво для женщин той эпохи, которое казалось ей довольно скучным. Она не знала, сколько времени прошло, горло уже пересохло, но Цзюньчжу не приказывала

остановиться, а значит, она не могла прерваться.

Наконец, в комнату вбежала служанка и с глубоким поклоном доложила:

— Прибыл Второй господин.

Она слышала от Цуйлю, что Второму господину Нин Жуйцзэ семнадцать лет и во второй половине года ему предстоит сдавать провинциальный экзамен. К тому же у него до сих пор не было ни наложниц, ни даже прислужниц для постели, поэтому многие девушки в поместье были взбудоражены, хотя и не смели подавать виду.

Юноша был статен и красив. В его чертах сквозила интеллигентность, а ясные глаза, казалось, были способны разглядеть малейшие движения души. Прямой нос и чёткие линии лица придавали ему мужественности, а лёгкая улыбка в уголках губ делала его образ мягким, словно нефрит, не лишая при этом юношеской бодрости.

В этот момент она подумала о брате той девушки, чьё тело теперь занимала: он был единственным законным сыном в семье, ему тоже было семнадцать, и он тоже готовился к экзаменам. Если бы он узнал, что отец отдал сестру в наложницы другому, ему наверняка было бы больно.

Служанки вместе с Цзюньчжу слегка присели в реверансе:

— Приветствуем Второго господина.

Цзюньчжу добавила:

— Приветствую брата.

Второй господин поспешно отступил в сторону, горько усмехнувшись:

— Цзюньчжу, вы меня в краску вгоняете.

Его голос был чистым и приятным, словно горный ручей — ни резкий, ни глухой, каждое слово звучало отчётливо.

Цзюньчжу снова села и с улыбкой махнула рукой:

— Вставайте.

Чу Сюэ медленно поднялась. Дождавшись, пока Цзюньчжу и Второй господин сядут, она услышала, как он произнёс:

— Цуйлю, выйди, там Сяо Шунь снаружи.

— Слушаюсь, — радостно отозвалась Цуйлю и вышла. Остальные служанки, опустив головы, стояли в стороне, обмахивая господ веерами, а Шуанчжи тем временем внесла чай.

Чу Сюэ уже собиралась откланяться, как вдруг услышала голос Цзюньчжу:

— Сюэ-эр, ты ведь знаешь стихи? Покажи-ка брату своё мастерство, пусть он даст тебе пару советов.

— Прошу, господин, — Шуанчжи бережно налила чай Второму господину, затем Цзюньчжу и, согнувшись, попятилась к выходу.

Глядя на то, как Шуанчжи почтительно удаляется, она занервничала ещё сильнее. Какие стихи она могла знать? Только те, что учила в прошлой жизни. Она неплохо училась, но ведь она даже не знала, что это за династия! А вдруг она назовёт то, чего здесь ещё не существует?

Чу Сюэ невольно повернула голову и встретила взглядом с Вторым господином. В его глазах, ярких, как утренняя звезда, читалось любопытство. Сердце Чу Сюэ пропустило удар — казалось, этот пристальный взгляд коснулся самой её души, и она на мгновение потеряла дар речи.

Заметив это, Второй господин слегка улыбнулся, словно его позабавила её реакция. Он произнёс:

— Могу ли я сегодня удостоиться чести услышать прекрасное произведение?

Чу Сюэ, хоть и была взволнована и смущена, лихорадочно перебирала в памяти всё, что знала. Прошло немало времени, прежде чем она собралась с мыслями, приоткрыла губы и начала читать:

Летние раздумья

Вода в полях течёт по разным руслам,

В дыханье риса слышен крик горлиц.

Детишки гонят жёлтых бабочек в погоне,

Старик зовёт соседа поливать поля.

После дождя в пруду взошли водоросли,

У ворот на солнце тянутся сорняки.

Когда же я, распустив волосы, лягу в южных полях,

Забудусь пьяным сном в тени цветов, мечтая о покое?

<http://bllate.org/book/21467/2196249>